

УДК 809.434.4

*А.М. Иванова***ПРОБЛЕМЫ МОРФОСИНТАКСИСА В ТРУДАХ Н.И. АШМАРИНА**

Обобщается история изучения «Опыта исследования чувашского синтаксиса» Н.И. Ашмарина, особо выделяются проблемы морфосинтаксиса в чувашском языке.

Ключевые слова: грамматика, морфосинтаксис, чувашский язык, синтаксис, морфология.

«Опыт исследования чувашского синтаксиса» Н.И. Ашмарина, традиционно называемый просто «Синтаксис», никогда не подвергался всестороннему специальному рассмотрению чувашских исследователей, тюркологов, тем более русистов и зарубежных языковедов. Основными его трудами всегда считались «Материалы для исследования чувашского языка» [4] и «Словарь чувашского языка» [7]. В «Опыте исследования чувашского синтаксиса» [5; 6] синтаксисты, как правило, не находили синтаксиса в прямом смысле этого слова. Например, даже в книге И.А. Андреева «Хальхи чăваш чĕлхи. Синтаксис» (Современный чувашский язык. Синтаксис) имя Н.И. Ашмарина и название его труда лишь упомянуты на шести разных страницах (270, 271, 272, 300, 301, 329). При этом в списках литературы само исследование не числится, хотя в тексте встречаются такие высказывания: *Н.И. Ашмарин «Синтаксисĕн» пĕрремĕш кĕнекинче çакнашкал тĕслĕх пур «В первой книге «Синтаксиса» Н.И. Ашмарина есть такой пример»* [3. С. 272]; *Юлашки икĕ тĕслĕхĕ Ашмарин кĕнекинчен «Последние два примера из «Синтаксиса» Н.И. Ашмарина»* [3. С. 272]; *Н.И. Ашмарин калашле «по выражению Н.И. Ашмарина»* [3. С. 301].

Отрывочные сведения о работе Н.И. Ашмарина «Опыт исследования чувашского синтаксиса», но не общая характеристика, имеются в учебнике для студентов высших учебных заведений С.П. Горского «Хальхи чăваш литература чĕлхин синтаксисĕ» (Синтаксис современного чувашского литературного языка) [8]. Исследование Н.И. Ашмарина по синтаксису чувашского языка здесь упомянуто на одиннадцати страницах. Например, в переводе на чувашский язык автор привел мнение Н.И. Ашмарина об основном законе чувашского словосочетания (характерном и для других тюркских наречий): управляющее слово ставится после слова управляемого. Отсюда следует, что 1) имя в родительном падеже предшествует тому имени, которое им определяется; 2) европейские предлоги заменяются в чувашском языке послелогоми, управляющими именами; 3) прилагательное или причастие предшествует имени, к которому оно относится; 4) наречие предшествует глаголу; 5) имя существительное предшествует глаголу, которым оно управляется [8. С. 19]. Следующее упоминание труда Н.И. Ашмарина содержится в параграфе изложения темы «Изафет»: «Во времена Н.И. Ашмарина не употребляли термин *изафет* (курсив наш. – *А.И.*), поэтому автор пользуется термином *определятельная связь слов*» [8. С. 25-28]. На остальных страницах (43, 80, 138, 141-142, 204) также нет детального разбора труда Н.И. Ашмарина.

Между тем в предисловии «Его научный авторитет непререкаем» сборника статей Всероссийской научной конференции «Ашмаринские чтения – 5» академик Российской академии образования Л.П. Кураков пишет: «Велика заслуга Н.И. Ашмарина в развитии чувашеведения и тюркологической науки. Его труды вошли в золотой фонд тюркологической научной литературы и заложили фундамент для дальнейшего изучения лексики и грамматического строя чувашского языка. Он вошел в историю мировой культуры и науки как основоположник научного чувашского языкознания. <...> Следующее фундаментальное научное произведение Н.И. Ашмарина – это “Опыт исследования чувашского синтаксиса”» [11. С. 3, 4].

Для того чтобы выяснить, как понимается чувашеводами изречение «фундаментальное научное произведение», мы обратимся к высказываниям чувашских лингвистов. Вот мнение профессора М.Р. Федотова: «Современному читателю не может не бросаться в глаза, что Н.И. Ашмарин как в первой, так и во второй части своего синтаксиса глубже и основательнее занимается вопросами морфологии. Наряду с общими выводами о строении и составе предложения автор с головой уходит в учение о синтаксисе чувашских падежей (самая большая по объему часть в «Синтаксисе» – страницы 90-378). Если в современных грамматиках неизменяемые формы глагола (причастия, деепричастия, например) принято рассматривать в морфологии, они у Н.И. Ашмарина нашли место в синтаксисе

(причастия даны в первой, деепричастия – во второй части). Мало того, во второй части «Синтаксиса» излагается материал о грамматических категориях глагола: наклонениях (повелительное, уступительно-желательное, сослагательное), всевозможных временных формах глагола в изъявительном наклонении, а также вспомогательных глаголах. Словом, «Синтаксис» Н.И. Ашмарина выполнен в высшей степени самобытно и оригинально» [14].

Просматривая многие страницы «Синтаксиса», иногда забываешь, есть ли это грамматический труд или эмоционально насыщенное произведение устно-поэтического творчества чувашского народа. Тут весь Н.И. Ашмарин – прекрасный русский литератор, в чьих переводах чувашских изречения, песни, пословицы и поговорки превращаются в действительные шедевры.

Мнение профессора М.Р. Федотова «о фундаментальном научном произведении Н.И. Ашмарина» сбивчиво: то он говорит, что Н.И. Ашмарин основательно занимается вопросами морфологии, то утверждает, что автор с головой уходит в учение о синтаксисе чувашских падежей. Следует признать, что М.Р. Федотов был прав, когда говорил о синтаксисе чувашских падежей или, в нашей терминологии, – о морфосинтаксисе чувашских падежей.

Прав М.Р. Федотов и в том отношении, что синтаксис Н.И. Ашмарина насыщен произведениями устно-поэтического творчества чувашского народа. В предисловии «Синтаксиса» сам автор пишет: «При выборе примеров на различные синтаксические правила я старался преимущественно брать те из них, которые носили известный национальный колорит, при этом очень многое было взято мною из песен, в том предположении, что язык последних сохранился в большей чистоте и неприкосновенности» [5. С. 7,8]. Здесь можно обратить внимание: Н.И. Ашмарин говорит о «различных синтаксических правилах», но приводит примеры с морфологическими формантами, из чего можно судить, что он совсем близко подошел к понятию морфосинтаксиса.

К 75-летию, затем и к 100-летию со дня рождения выдающегося тюрколога и основоположника современного научного чувашского языкознания профессор В.Г. Егоров выпустил две работы под названием «Н.И. Ашмарин как исследователь чувашского языка» [9; 10]. По его словам, «Н.И. Ашмарин не оставил систематического курса синтаксиса чувашского языка. Его синтаксис имеет отрывочный, незаконченный характер. В первом томе он подробно рассматривает случаи употребления падежей (90-378), определительные предложения (378-470), предложения-имена (470-547), во втором томе пишет о вспомогательных глаголах (40-108), условных предложениях (108-128), об окончательных формах глаголов (143-237). Однако вторая часть «Синтаксиса» значительно уступает первой по тщательному анализу и стройности изложения. Нет строго определенной системы расположения материала, но содержится большой фактический материал.

Автор ничего не говорит о способах выражения синтаксических отношений, классификации второстепенных членов предложения, сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях, прямой и косвенной речи. Многочисленные типы предложений чувашского языка остались неопианными и необъяснимыми Н.И. Ашмариным» [12. С. 45, 46].

Итак, «фундаментальное научное произведение Н.И. Ашмарина, выполненное в высшей степени самобытно и оригинально», оставалось недоступным для расшифровки даже профессору В.Г. Егорову. На наш взгляд, Н.И. Ашмарин и не думал составлять систематический курс синтаксиса чувашского языка. По честному признанию Н.И. Ашмарина, «синтаксис, который, как в этом может убедиться каждый, представляет собою совершенно самостоятельное исследование» [5. С. 10].

При составлении чувашского синтаксиса Н.И. Ашмарину приходилось преодолевать большие трудности. Он часто наталкивался на факты языка, не укладывающиеся всецело в обычные рамки синтаксиса европейских языков. Например, весьма нередко встречаются своеобразные чувашские причастные обороты, имеющие, в отличие от русских, свое подлежащее, по функциональному значению соответствующие придаточным предложениям. С одной стороны, они напоминают предложение, с другой – составное имя. После некоторых затруднений и колебаний Н.И. Ашмарин нашел им название «предложение-имя».

При жизни Н.И. Ашмарина некому было оценить выполненный им двухтомный труд «Опыт исследования чувашского синтаксиса», хотя автор и просил: «...» «хорошо, если кто-нибудь укажет мне на допущенные мною промахи, тогда впоследствии можно будет сделать соответствующие исправления» [5. С. 9]. Жаль, что не было тогда ценных указаний профессоров И.А. Андреева, С.П. Горского.

В.Г. Егоров отмечает, что если в области разработки фонетики и морфологии чувашского языка у Н.И. Ашмарина все же были предшественники (В. Шотт, Н.И. Золотницкий, Й. Буденц), наследст-

вом коих он в той или иной мере воспользовался, то в области синтаксиса он не имел таковых [9]. Из существовавших в то время курсов синтаксиса по тюркским языкам («Грамматика алтайского языка», 1869; «Опыт исследования урянхайского языка» Н.Ф. Катанова, 1903; «Краткая грамматика киргиз-казахского языка» П. Мелиоранского, 1894-1897 и др.) и из институтских лекций по турецкому синтаксису он мог почерпнуть только общие указания, общие схемы построения синтаксиса. При этом не следует думать, что Н.И. Ашмарин не был знаком и не знал о существовании систематических курсов синтаксиса русского языка, таких как исследования А.Х. Востокова «Русская грамматика», А.А. Шахматова «Синтаксис русского языка» и труды М.В. Ломоносова, К.С. Аксакова, Ф.И. Буслаева и др. Но над многочисленными особенностями чувашского синтаксиса и подбором соответствующего текстового материала приходилось упорно работать ему самому.

Заметим, что даже самая первая крупная работа Н.И. Ашмарина, которая появилась под скромным названием «Материалы для исследования чувашского языка» [4], представляет далеко не материалы, это полный систематический курс фонетики и морфологии чувашского языка. По словам профессора В.Г. Егорова, «в “Материалах для исследования чувашского языка”, в этом, можно сказать, почти юношеском труде (тогда Н.И. Ашмарину было 26-27 лет) сказался весь Ашмарин с лучшими задатками ученого». Здесь он затронул и превосходно осветил почти все главные отрасли чувашского языкознания: и фонетику, и морфологию, и диалектологию, и этимологию. В ней чуваша приобрели себе первую, наиболее совершенную научную грамматику своего языка» [10. С. 12].

«Из задуманного Н.И. Ашмариним трехтомного «Опыта исследования чувашского синтаксиса» изданы два тома. Многие разделы синтаксиса отличаются необычайным богатством содержания, разнообразием творческой мысли и глубиной анализа. Местами автор очень тонко подмечает неуловимые оттенки смысла, скрывающиеся в некоторых формах. Он замечает такие тонкости в языке, которые не всегда доступны даже природному чувашу. При изложении каждого синтаксического явления или правила автор иллюстрирует его большим количеством примеров.

Синтаксис производит впечатление глубоко и всесторонне продуманного труда. Научной разработкой чувашского синтаксиса мы всецело обязаны ему (Н.И. Ашмарину. – *А.И.*) одному» [10. С. 14].

Высказанному выше В.Г. Егоровым противоречит мнение И.А. Андреева: «Следует отметить, что система описания синтаксиса с преимущественной опорой на имеющиеся в языке формы словозменения с выявлением их основных значений не является изобретением Н.И. Ашмарина. В тюркологии впервые эта система представлена в «Грамматике алтайского языка», вышедшей еще в 1869 г. Н.И. Ашмарин следует системе алтайской грамматики не только в принципе, но и в деталях» [2. С. 84]. В статье И.А. Андреева много критических моментов по отношению к «Синтаксису» Н.И. Ашмарина. Он пишет, что «некоторые вопросы, затронутые в алтайской грамматике, не нашли отражения в синтаксисе Н.И. Ашмарина [2. С. 85]; к сожалению, Н.И. Ашмарин морфологические формы определяет неоднозначно [2. С. 88]; примеров подобных противоречивых толкований грамматических форм можно привести множество [2. С. 89]; даже в тех случаях, когда содержание используемого синтаксического термина получает специальное разъяснение, противоречия в его трактовке возникают у Н.И. Ашмарина сплошь и рядом [2. С. 91]; создается впечатление, что Н.И. Ашмарин не придавал серьезного значения теоретическому осмыслению описываемых фактов [2. С. 92]; во второй части “Опыта” вопрос о словорасположении не затрагивался, не был реализован также замысел Н.И. Ашмарина относительно написания теории чувашской пунктуации [2. С. 93]; встречающиеся иногда попытки современных исследователей чувашского языка подкрепить свои теоретические построения ссылками на авторитет Н.И. Ашмарина не могут быть признаны правомерными, ибо собственной синтаксической теории у Н.И. Ашмарина не было» [2. С. 94].

Эта мысль прослеживается в статье «Еще раз о сложноподчиненных предложениях в чувашском языке»: «Как известно, у Н.И. Ашмарина нет цельного учения ни о предложении вообще, ни о сложноподчиненных предложениях в частности» [1. С. 193].

Тем не менее, в конце статьи автор приводит хвалебные выражения: «Являясь одним из первых исследователей синтаксиса тюркских языков, Н.И. Ашмарин не мог дать окончательных критериев для разграничения придаточных предложений от членов предложения, но <...> он уже наметил путь, по которому могло идти разрешение вопроса о придаточных предложениях» [1. С. 200].

Автор признает, что «принятая Н.И. Ашмариним система описания синтаксиса довольно необычна» [2. С. 84]; «заканчивая краткий обзор «Опыта исследования чувашского синтаксиса» Н.И. Ашмарина, следует подчеркнуть ту огромную роль, которую сыграл этот труд по изучению чувашского языка в целом. В течение более чем полувека две книги «Синтаксиса» были

вашского языка в целом. В течение более чем полувека две книги «Синтаксиса» были единственным надежным пособием, из которого ученые всего мира черпали сведения о строе чувашской речи. Для исследователей чувашского языка этот труд прежде всего ценен обилием и разнообразием представленного в нем материала. Что касается теоретического осмысления, то оно в значительной степени – задача будущего; сказанное здесь не умаляет заслуг ученого перед чувашским и тюркским языкознанием. Для своего времени Н.И. Ашмарин сделал немало, отсутствие четких теоретических концепций не может быть поставлено в вину ученому» [2. С. 93, 94].

Фундаментальное двухтомное научное произведение Н.И. Ашмарина «Опыт исследования чувашского синтаксиса» оценивалось с разных точек зрения, но только не с точки зрения морфосинтаксиса. Видимо, исследователи работу Н.И. Ашмарина ошибочно приняли за «чистый синтаксис», хотя профессор И.А. Андреев и говорит, что «рассматривая формы словоизменения имен и глаголов, Н.И. Ашмарин безусловно занимается синтаксисом» [2. С. 87]. Согласно цитате В.В. Виноградова о том, что «морфологические формы и категории неразрывно связаны с синтаксическими», можно было бы догадаться о замысле изложения вопросов морфосинтаксиса Н.И. Ашмариным.

А.А. Пушкин в статье «Идея коммуникативности в трудах Н.И. Ашмарина» подчеркивает, что «оценивая научную деятельность Н.И. Ашмарина, нельзя ограничиться простой констатацией фактов его жизнедеятельности. Содержание всех его трудов требует глубокого переосмысления в контексте проблем частного и общего языкознания, в рамках коммуникативно-прагматической парадигмы» [13]. По мнению автора, в основу всех своих работ Н.И. Ашмарин положил принцип коммуникативности. Он в действительности дифференцирует понятия *язык* и *речь*, хотя и не всегда последовательно. Онтология тех или иных *языковых явлений* им не просто декларируется большим количеством примеров их реализации в речи, в своих комментариях к примерам он часто использует такие основополагающие понятия коммуникативной лингвистики, как *говорящий, намерение, смысл*. Во второй части «Синтаксиса» Н.И. Ашмарин пишет, что эти переводы не могут представить большого разнообразия в оборотах, того разнообразия, какое свойственно живой разговорной речи, то есть он намеревался подойти к языку только через речь (ср. выражение Л.В. Щербы «подойти к языку возможно только через речь»). По словам А.А. Пушкина, сам Н.И. Ашмарин открыто о коммуникации и коммуникативной деятельности не говорил, хотя можно предположить, что его «коммуникативный эмпиризм» предшествовал учениям Ф. де Соссюра о *langue, Language, parole* и Л.В. Щербы о *языке, речи и речевой деятельности*.

В исследовании Н.И. Ашмариным использовались образцовые тексты, предоставляющие собой совокупность наговоренного и высказанного чувашами за всю историю их существования. С их помощью другие носители языка и новые их поколения осваивают язык, включая их в свою речь и опять порождая новый языковой континуум [13. С. 5-19].

Таким образом, мы рассмотрели разные взгляды ученых-лингвистов на «Синтаксис» Н.И. Ашмарина. Обратим внимание на слово *опыт* в заглавии его двухтомника. Одним из значений этого слова является попытка осуществить что-нибудь, пробное осуществление чего-нибудь. По нашему мнению, «Синтаксис» Н.И. Ашмарина – это воспроизведение данных морфологии и синтаксиса экспериментальным путем, создание нового в определенных условиях. Н.И. Ашмарин оставил нам совокупность практически усвоенных им знаний по морфосинтаксису и просил глубже разобраться в этих вопросах. Хотя Н.И. Ашмарин не употребляет термин «морфосинтаксис», но в его «Синтаксисе» фактически изложены вопросы морфосинтаксиса – раздела грамматики, рассматривающего морфемы (морфологические аффиксы, форманты) с точки зрения их синтаксического функционирования и выступающего, таким образом, в качестве аналога морфологии. Следовательно, Н.И. Ашмарину можно приписать имя «первооткрывателя теории морфосинтаксиса чувашского языка».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев И.А. Еще раз о сложноподчиненных предложениях в чувашском языке // Учен. зап. Чуваш. науч. исслед. ин-та. Чебоксары, 1958. Вып. 18.
2. Андреев И.А. Н.И. Ашмарин и проблемы чувашского синтаксиса // Н.И. Ашмарин – основоположник чувашского языкознания: сб. статей. Чебоксары, 1971.
3. Андреев И.А. Хальхи чăваш чĕлхи. Синтаксис. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2005. 334 с.
4. Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка: в 2 ч. Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1898. Ч. 1. Учение о звуках: (Фонетика). С. 1-102; Ч. 2. Учение о формах: (Морфология). С. 103-392.

5. Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Казань: Типо-литогр. В.М. Ключникова, 1903. Ч.1. 573 с.
6. Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Симбирск: Изд-во. Симбир. союза потребителей обществ Чуваш. авт. области, 1923. Ч.2. 276 с.
7. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка [Репринт. изд.]. Чебоксары : Руссика, 1994.
8. Горский С.П. Хальхи чăваш литература чĕлхин синтаксисĕ. Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 1970. 216 с.
9. Егоров В.Г. Н.И. Ашмарин как исследователь чувашского языка: К 75-летию со дня рождения. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1948. 44 с.
10. Егоров В.Г. Н.И. Ашмарин как исследователь чувашского языка: К 100-летию со дня рождения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. 32 с.
11. Кураков Л.П. Его научный авторитет непререкаем // Ашмаринские чтения : Материалы Всерос. науч. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007.
12. Н.И. Ашмарин – основоположник чувашского языкознания: сб. ст. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. 272 с.
13. Пушкин А.А. Идея коммуникативности в трудах Н.И. Ашмарина // Ашмаринские чтения: Материалы Всерос. науч. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007.
14. Федотов М.Р. Исследователи чувашского языка: кратк. очерки. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2000. 153 с.

Поступила в редакцию 10.09.10

A.M. Ivanova

Morphosyntax problems in works by N.I. Ashmarin

The article summarizes N. Ashmarin's researches published in his work "Opyt issledovaniya chuvashskogo sintaksisa" ("The experience of the study of the Chuvash syntax"), special attention being paid to the issues of morphosyntax in the Chuvash language.

Keywords: grammar, morphosyntax, the Chuvash language, syntax, morphology.

Иванова Алена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент
ФГОУВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»
428034, Россия, г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38/1
E-mail: amivano@rambler.ru

Ivanova A.M., candidate of philology, associate professor
Chuvash State University
428034, Russia, Cheboksary, Universitetskaya str., 38/1
E-mail: amivano@rambler.ru